

Юрий Силоч

Деревянная
шпага

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С36

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© lineartestpilot, PicsArt4U / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на переплете *Лёва!*

Силоч, Юрий Витальевич.

С36 Деревянная шпага / Юрий Силоч. — Москва :
Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-215253-5

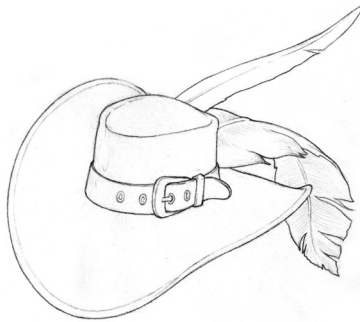
Настоящий дворянин не боится трудностей, особенно когда на кону — собственная репутация. В попытке подзаработать Жозе Дюфон попадает в переплет: слежка за чужой неверной женой оборачивается политическим заговором, а на след Дюфона встают все сомнительные личности славного города Сент-Пьера.

Со шпагой в руках плечом к плечу с верным помощником Джузеппе он пытается очистить свое доброе имя. Шпага, конечно, деревянная, а помощник — тот еще прохвост, но и волшебники в этом мире предпочитают магии крепкие кулаки.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215253-5

© Силоч Ю., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

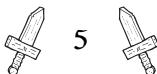
Защищайтесь, судари! — прокричал я на весь переулок и выхватил из ножен деревянную шпагу...

Прошу прощения у уважаемых читателей за то, что позволил себе вынести в начало повествования этот яркий эпизод лишь затем, чтобы заинтересовать вас и убедить не бросать чтение сию же секунду.

Мастер Уве из досточтимой Гильдии Писателей, которому я показал рукопись, сразу же безжалостно вымарал первые предложения.

«Историю никогда не следует рассказывать с самого начала! — сказал он с важностью, присущей многим профессионалам. — Читателя нужно завлечь! После изобретения печатного станка, этой дьявольской машины, люди пустят вашу книгу на растопку, если она не захватит их в первые же пять секунд!»

Поэтому я и решил поманить читателей описанием момента, когда вознамерился помешать двум разбойникам ограбить среди бела дня хорошенькую девушку, а за-

тем рассказать обо всём по порядку. Надеюсь, вы простите меня.

Так вот.

Меня зовут Жозе Дюфон.

Я дворянин, происходящий из рода столь же древнего и славного, сколь — увы! — нищего, и живу я в Сент-Пьере, чьи залитые солнцем улицы тянутся многие мили для того, чтобы оборваться, уткнувшись в бескрайний океан.

Окно моей комнаты обращено на запад, и из него виден горизонт, усеянный белыми парусами: это корабли Южной Торговой Компании отправляются в дальние путешествия и возвращаются обратно, доверху набитые золотом и тем, что можно легко превратить в золото на местных рынках: корицей, перцем, гвоздикой, апельсинами, сахаром, кофе, чаем, диковинными существами, волшебными снадобьями и ещё множеством экзотических товаров из неизведанных земель.

Если высунуться из окна и посмотреть налево, то можно увидеть вдалеке покрытую редким лесом жёлтую гору, на вершине которой хмурится статуя святого Ионы. Руки беломраморного пророка разведены в стороны, будто он собирается обнять город, но, судя по выражению лица, ему не очень хочется этого делать.

Если же посмотреть направо, взгляд наткнётся на высокую отвесную скалу, у подножия которой раскинулся кажущийся совсем малюсеньким королевский дворец с высоким золотым шпилем, куда нанизан, как на булавку, геральдический лев.

Тот день ничем не отличался от других. Меня разбудили голуби.

С этими проклятыми птицами я долго и безуспешно спорничал: они считали, что чердак полностью принадлежит им, в то время как я был уверен, что это не чердак,

а мансарда, и раз уж я, пусть и нерегулярно, вношу за неё плату, то эта комната полностью принадлежит мне.

Проклятые твари снова проникли в моё жилище, уселись на балках под самым потолком, обгадили всё моё небольшое имущество, и в их ворковании мне чудилась насмешка.

— Кыш! Вон! Пшли! — я тщетно пытался прогнать их шваброй и бросал под потолок собственные башмаки, но пернатые не трогались с места и издевательски курлыкали.

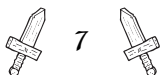
Вымотавшись, я признал поражение и стал обыскивать свою одежду. Несколько минут хватило на то, чтобы ощупать её и по пять раз вывернуть карманы, присматриваясь и прислушиваясь, не зазвенит ли по полу хотя бы самая мелкая монетка. Но нет, к моему сожалению, карманы были безнадёжно пусты. Из этого следовал вывод, что завтрак придётся пропустить, поэтому я спустился в тенистый дворик, попил воды из бочки и приступил к обязательным утренним упражнениям.

Какое-то время я разминался возле розового куста, а затем, почувствовав прилив сил, атаковал последний тренировочной деревянной шпагой. Куст победил: я запутался в ногах, свалился в самую гущу шипов и, выбравшись весь исцарапанный, решил, что упражнений на сегодня достаточно.

За этим наблюдала мадам Ферре — милейшая старушка с лицом, которое время, солнце и солёный воздух сделали похожим на горсть изюма.

— Подойдите-ка сюда, господин Дюфон!

Глубоко вздохнув, я вспомнил, какие оправдания уже использовал в этом месяце, и напустил на себя чрезвычайно горестный вид. Не дожидаясь вопроса о плате за жильё, я сходу принялся плести вокруг неё словесную паутину, состоявшую из смеси лести, жалоб, благодарностей за терпение, надежд получить деньги буквально этим вечером

и сожалений, что не могу вознаградить такую достойную женщину соразмерно её заслугам и большому сердцу.

— Но господин Дюфон!.. — Мадам Ферре знала меня очень давно и легко выпуталась из моих сетей. — Мне тоже надо что-то есть и чем-то платить налоги! Разумеется, я не посмею выставить на улицу такого благородного господина и такого славного молодого человека, но поймите же и вы меня... Скажите, вы не думали заложить портрет?

Когда я покинул отчий дом и прибыл в Сент-Пьер, у меня с собой было полтора серебряных эскудо, письмо с отцовскими наставлениями, деревянная шпага для тренировок и, как я ни старался случайно забыть его дома, огромный портрет нашего давнего предка. Любезный батюшка всучил мне его, чтобы я не забывал, к какому роду принадлежу, и вёл себя соответственно. Поначалу это и впрямь помогало, но после череды неудач я начал стесняться взгляда Льва Дюфона. Проклятая картина лишь усугубляла моё отчаяние.

Несмотря на то что во мне прослеживались все фамильные черты Дюфонов, рядом с портретом я выглядел карикатурой.

Высокий рост смотрелся комично в сочетании с худобой, длинные тёмные волосы не лежали красивыми волнами, а торчали в разные стороны, а аристократичная горбинка на носу переросла все возможные пределы и делала мой профиль не благородным, а, скорее, птичьим.

Когда терпеть несоответствие великому предку стало невозможно, портрет перекочевал из мансарды на первый этаж, в гостиную — и это было правильным решением, ведь хранить произведение искусства в комнате с протекающей крышей и голубями было настоящим преступлением.

Но одно дело убрать картину с глаз долой, а совсем другое — отнести в ломбард.

Я применил всё своё обаяние, убеждая старушку, что вот-вот схвачу удачу за хвост. Я удвоил количество лести, а количество обещаний озолотить хозяйку в случае успеха и вовсе утроил. Я клялся всем на свете, я порывался целовать старушечьи руки, я чуть ли не падал на колени, я предлагал забрать мою жизнь, но умолял не трогать портрет, описывая, насколько он важен для моей семьи, — и мадам Ферре почти дрогнула, но тут наш разговор прервал скрип ворот.

Во дворик прошествовал богато одетый человек с крысиным лицом.

— Доброго утра, господин Дюфон, — он слегка поклонился и снял роскошную шляпу с пером, украв и продав которую, я мог бы безбедно прожить целую неделю.

— Доброе утро, Лоренцо.

— Будут какие-нибудь приказания, господин?

Я осмотрел рубашку, пострадавшую в битве с розовым кустом.

— Залатай её.

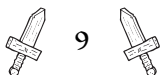
— Я хотел бы уточнить насчёт жалования... — Лицо Лоренцо заострилось, как всегда бывало, когда он говорил о деньгах, и стало ещё более крысиным.

— У меня нет денег, — помрачнел я. — Но совсем скоро я...

— Тогда, господин, боюсь, я не смогу залатать вашу рубашку, — он указал на бочку с водой и глиняную кружку, висящую над ней на длинном гвозде. — Но я мог бы подать вам воды. Скажем, за один сольдо.

— Хорошо. Прибавь это к моему долгу. — Требовать целое сольдо за кружку воды было настоящим грабежом среди бела дня, но сольдо у меня всё равно не было, а необходимость следовать древнему указу, который обязывал всех без исключения дворян держать слуг, была.

По похожей, кстати, причине я был вынужден всюду носить с собой деревянную шпагу: выйти в свет со-

всем без оружия для дворянина считалось верхом позора, а стальную я не рисковал даже брать в руки.

Лоренцо подал мне наполненную кружку, раскланялся с мадам Ферре и удалился обирать других обнищавших аристократов.

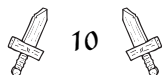
Когда часы пробили восемь, я уже жарился на солнце возле гвардейских казарм.

На небольшой площади перед скучным каменным зданием стояла туча жёлтой пыли, которую поднимали копыта, колёса повозок и экипажей, и тяжёлые сапоги гвардейцев, бродивших туда-сюда в поисках подходящего занятия.

Весь город знал: если вам требуются услуги бравого рубаки, их можно найти тут в огромном количестве. А если требовался рубака подешевле, пусть и менее бравый, зато с куда более сговорчивой совестью, было достаточно перейти на другую сторону площади, где слонялся я в компании других горячих голов, готовых продать свою шпагу по сходной цене.

За прожитый в Сент-Пьере год с небольшим я так и не научился смотреть на королевских драгун без зависти — и в конце концов перестал её скрывать. О, как я жаждал примерить заветный зелёный плащ! Как мечтал попасть на службу, проявить себя, скопить денег и купить офицерское звание!

А затем отличиться в какой-нибудь битве или помочь его величеству в одной из сложных интриг, которыми монарший двор был переполнен, заслужить высочайшее расположение, обрести вес в обществе, вернуть своему роду былое процветание... Но увы, всё, что мне оставалось, — это редкая работёнка, ради которой приходилось идти на компромиссы с собственной совестью, да напечатанные на обёрточной бумаге бесконечные книжечки о похождениях лихого драгуна Д'Арнуццо.

Все люди, угодившие на неправильную сторону площади, мечтали о том же и смотрели на своих собратьев по ремеслу с презрением, считая, что они на голову выше всех этих болванов, которые недостойны и конюшни при дворе чистить, не то что служить королю.

Замечтавшись, я упустил потенциального работодателя: высокий и худой пожилой мужчина в чёрном одеянии с янтарными пуговицами направлялся прямоиком ко мне. Я едва встретился с ним взглядом, но старика перехватил Моруа — потливый коротышка с подкрученными усами и маленькими ручками. Этот проходимец даже в самую жаркую погоду не снимал жутко тяжёлые и неудобные кавалерийские ботфорты. Нам он громко хвастался, что привыкает носить их перед тем, как поступить на службу, но злые языки говорили, что другой обуви у него просто нет.

День клонился к обеду, и город затихал в ожидании часа, когда жара станет невыносимой.

В домах закрывались двери и ставни, полная женщина с красным лицом вышла на крыльцо и вылила на мостовую прямо передо мной ведро грязной воды, заставив меня испытать очередной приступ мучительной жажды.

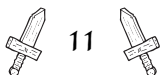
Но ни воды, ни хотя бы тени мне не светило: немногие места под навесами давно были заняты. Поэтому, не желая идти домой и слушать ворчание мадам Ферре, я нашёл старый ящик, уселся на него, оперся спиной о разогретую солнцем стену, надвинул на глаза шляпу и попытался задремать, чтобы хоть как-то убить время и унять зверский голод.

Мне это почти удалось: я точно провалился бы в сон через несколько мгновений, если бы кто-то не встал между мной и безжалостным солнцем.

— Простите, сударь! — прозвучал неуверенный голос. — Могу ли я побеспокоить вас?

Я поднял взгляд, стараясь не показать ликования.

— Что вам угодно?

Передо мной стоял немолодой господин с бледным лицом и дряблыми обвислыми щеками. Всё в нём выдавало бухгалтера при каком-нибудь торговце: маленькие круглые очки, нелепый берет вместо шляпы, дорогой камзол и крепкие башмаки, чернильные пятна на руках и бегающий, как у пойманного вора, взгляд.

— Понимаете, мне нужен человек вроде вас, бывалый человек, — затараторил он, не зная, куда девать глаза. — И я, право же, не уверен...

— Вы нашли его. — Я всегда считал, что не стоит разочаровывать клиента раньше времени. Пусть время само развеет его иллюзии. — В чём состоит ваше дело?

— О, сударь, моё дело столь деликатно, что я стыжусь даже говорить о нём...

Я пожал плечами:

— Но вам придётся, если вы хотите, чтоб оно было сделано.

Бухгалтер продолжал мяться:

— Ох, возможно, мне и вовсе не стоило приходить...

— Скажите лишь одно: в вашем деле замешана дама? — Я готов был поставить последнюю пару штанов на то, что это было именно так.

Он быстро закивал:

— Да-да, сударь, и не просто дама, а моя жена! Её зовут Эмилия Шантье, а меня — Соломон. Соломон Шантье.

— Рад знакомству. — Здесь я не лгал: новая работа, забрезжившая на горизонте, просто не могла меня не порадовать. — Так в чём же состоит ваше дело и зачем вам бывалый человек?

— Моя жена, Эмилия, впуталась в какую-то странную историю. Мне рассказали, что её видели с разными мужчинами то в центре Сент-Пьера, то возле порта, то в садах... Я уже не знаю, что и думать, сударь, я не верю криво толкам и люблю Эмилию больше жизни, но мне нужен

кто-то, чтобы проверить эти слухи и проследить за ней. Она замечательная, сударь, но она молода, молода и безрассудна, ей могли просто задурить голову.

— Ага. И если слухи подтвердятся... — Мне приходилось выполнять работёнку такого рода, поэтому в разговоре с Соломоном Шантье я чувствовал себя как рыба в воде.

— Да, сударь, — потенциальный рогоносец опустил взгляд, его голос прозвучал глухо. — Я хотел бы, чтоб пролилась кровь. Кровь всех, кто хотя бы коснулся моей прекрасной Эмилии. Это возможно?

— Кровь стоит дорого, сударь, — прищурился я, напустив на себя загадочный вид. Эту фразу я бессовестно позаимствовал из книги о приключениях Д'Арнуццо и не стеснялся использовать. Будучи правильно произнесённой, она производила потрясающее впечатление.

— Деньги не имеют значения!

Ах, как давно я мечтал услышать эти слова. Душа запыла, но нельзя было подавать виду: потеря самообладания грозила потерей работы.

— Вы поможете мне? — Шантье взглянул на меня с настоящей мольбой в глазах, и я понял, что могу трясти его, как грушу.

— Конечно, — я заговорил медленно и размеренно, стараясь звучать как профессионал. — Смотрите, сударь... Если слухи окажутся неверны и за две недели я не найду следов порочащих связей вашей жены, то потребую с вас десять полновесных золотых песо. Если же придётся пролить кровь, — драматическая пауза, — то прибавлю к этому десять за каждого, с кем мне придётся иметь дело.

Шантье замялся:

— Десять песо и потом ещё по десять за каждого? Сударь, это же...

— Хотя... — прервал я его и хлопнул себя по колену. — Эх, будь проклята моя доброта! Вижу, что вы до-

стойный человек, а достойным людям надо помогать. Двадцать песо за всё, — я не собирался сообщать Шантье, что я в любом случае не собирался ввязываться в драку. И уж точно не намеревался никого убивать.

— Двадцать... Двадцать — это, видите ли, тоже...

— У-у-у... — протянул я. — Ну хорошо. Хорошо, сударь. Тогда идите и спросите у остальных. Спросите, сколько они берут за работу. Вы наверняка найдёте кого-то дешевле, но потом не удивляйтесь, если нанятые задёшево работники всё испортят. Не удивляйтесь, если прекрасная Эмилия заметит слежку или если вашего человека проткнут шпагой. Не удивляйтесь, сударь... Идите, чего же вы стоите?

Шантье трепетал:

— Ох, вижу, что не ошибся в вас. С самого первого взгляда я понял, что мне нужны именно вы, даже не знаю, что мне это подсказало...

Зато, кажется, я знал: следы от проигранной драки с розовым кустом.

Ударив по рукам, я получил от Шантье десять золотых авансом, пообещав взяться за дело сегодня же. Самым сложным в тот момент было не глядеть на монеты с жадностью и не вырывать их из рук нанимателя.

— Где искать Эмилию? Как она выглядит? Чем занимается?

— Она много чем занимается, сударь, она ведь исключительный талант! — принялся рассказывать Соломон. — Поёт, играет в театре, делает переводы с тетского языка... — Наткнувшись на мой взгляд, он поторопился вернуться к делу: — Но вообще она чаще всего бывает в шляпной лавке. Я помог её открыть сразу после свадьбы, дал денег, купил новый дом, а Эмилия сама устроила все дела, представляете?

За двадцать песо я был готов представить себе всё что угодно.

— Лавка в жёлтом флигеле нашего особняка, рядом зелёный забор, а за ним персиковые деревья. Вы не перепутаете. Это улица Двух винных бочек, лавка названа в честь моей жены. Сейчас она, скорее всего, там.

Я напомнил свой вопрос о внешности потенциальной изменщицы.

— О, она очень красивая, — Соломон расплылся в мечтательной улыбке. — Светлые волосы, длинные, до пояса. Очень стройная. Огромные синие глаза и чудесный, просто премилый вздёрнутый носик!

Выяснив всё, что нужно, я поспешил откланяться, договорившись с Соломоном, что мы будем встречаться на этом месте каждый день в одно и то же время.

Улица Двух винных бочек — небольшая, тенистая — была тихим уголком Сент-Пьера. В здешних домах обитали уважаемые люди — богатые торговцы и дворяне, не успевшие разбазарить сколоченное славными предками состояние. Нельзя было не отметить, что расположение для шляпной лавки было выбрано самое удачное: здешние жители явно не тряслись над последним медяком, раздумывая, поест ли сегодня или заплатить за комнату.

Лавка примыкала к небольшому особняку и занимала флигель, укрытый в тени садика и выкрашенный приятной жёлтой краской. Двери, над которыми висела железная кованая шляпка, выходили прямо на тротуар, поэтому я обосновался в некотором отдалении, чтобы не вызывать подозрений, и принялся ждать.

Вскоре моё терпение было вознаграждено: из лавки вышла девушка с длинными светлыми волосами. Она внимательно осмотрелась, словно чувствуя слежку, и отправилась прочь, постоянно оглядываясь.

